

МАТЬ ДРУГА

В динамиках громко щелкнуло. Слышно было дыхание диктора. Суетливые пассажиры, снующие взад-вперед, вдруг остановились как по команде «замри», разглядывая потолок.

— Внимание! Рейс шестнадцатый «Петропавловск Камчатский — Москва» задерживается до тринадцати часов по метеоусловиям. Повторяю...

— Глупая, — пробурчал злой дядька с густыми бровями, усаживаясь на большой чемодан, — не рейс задерживается, а вылет самолета.

— А вам что, от этого легче? — в тон ему сказала сидящая рядом пожилая женщина. — Сейчас все равно, что задерживается. Ждать надо два часа, а там посмотрим.

Я невольно слушал этот диалог и почему-то думал: «Если бы все люди всегда были в хорошем расположении духа, то некому было бы следить за чистотой русского языка. Может, Даль тоже был такой нервный, как этот дядька?»

Самому мне было все равно, что задерживается, рейс или вылет самолета. Я не был «гражданином пассажиром». Я провожал друзей. Их было двое. Мать с сыном

Как же убить два нудных часа? Мы решили посидеть в ресторане. Есть никому не хотелось. Мы молча смотрели через огромное окно ресторана на белый треугольник Авачинской сопки, и каждый думал о своем.

Расставаться с близкими всегда тяжело. Еще тяжелее, когда знаешь, что вряд ли встретитесь, несмотря на оптимистическое: «Гора с горой...» Когда знаешь, что расстанешься не просто с близкими людьми, но и с собственными привычками, которые они уносят с собой навсегда. Есть французская поговорка: уехать — это отчасти умереть. Иногда я думаю, что расставание напоминает смерть: и в том, и в другом случае близкого человека рядом нет; и в том, и в другом случае неизменным остается только одно — память о прошлом.

— Давайте выпьем на прощание, — нарушил я тягостное молчание.

Мать с сыном посмотрели друг на друга, потом на меня и вместе улыбнулись.

— А что! Давайте, — весело сказала она. — Ведь водка, наверное, для такого случая и создана. Кутить, так кутить! Все-таки расстаемся с Камчаткой. Расстаемся... — Она посмотрела на меня.

— А за что мы будем пить? — перебил я ее.

* * *

...Она вошла в кабинет врача бесшумно. Так же тихо подошла к моему столу и села рядом. Закончив запись, я отложил карточку в сторону и посмотрел на женщину.

— Здравствуйте, — машинально сказал я, будучи уверен, что она поздоровалась.

— Здравствуйте, — тихо ответила женщина, чуть покраснев.

«Интересно, — подумал я, — никаких морщин, кожа чистая, волосы крашенные, так что не сразу определишь, седые они или нет, глаза большие, живые. Но ей не шестнадцать и не тридцать. И даже не сорок. Ей больше сорока пяти. Я уверен, не меньше».

— Что у вас? — задал я привычный вопрос.

— Я мать Олега. Вашего друга.

— Как мать Олега? — удивился я.

— Да, прилетела вчера из Ростова.

Я опять задумался над ее лицом. Я давно мучаюсь, как же все-таки удастся почти безошибочно определить возраст, даже когда человек, как говорится, хорошо сохранился.

— Мне сказали, что Олег ваш друг. Вы должны помочь мне, тем более вы врач. Вы же знаете, он болен.

— Да, он пьет, — тихо сказал я, поглядывая на дверь, — но я не психиатр. Мои слова на него не действуют. Скажите, вы приехали из Ростова только потому, что узнали об этом?

— А что, этого мало? Это не страшно?

— Страшно-то страшно. Только из Ростова на Камчатку... Вы же, насколько я знаю, педагог. А сейчас зима.

— Я получила письмо, правда, не знаю, кто написал, оформила пропуск и тут же взяла отпуск без содержания.

— Олег действительно много пьет, он болен, — сказал я, опустив голову, будто в этом был виноват сам, — но, знаете, человек он отличный. Ребята в нем души не чают, но пьянством губит себя. Я несколько раз видел его по утрам: у него руки трясутся.

— Разговор, по-видимому, будет долгий, а там ждут больные. Где я могу вас увидеть? — Она встала.

Я быстро на бланке с треугольной печатью написал номер телефона и отдал ей.

— Позвоните после семи. Я выйду вас встречать.

— Спасибо. Меня зовут Раиса Ивановна.

Весь день я думал о Раисе Ивановне. Сам я очень люблю свою мать, но всю жизнь почему-то стыдился ее. Наверное, всю жизнь мечтаю отблагодарить ее чем-то, очень великим и стыжусь собственной беспомощности! Всегда оправдываюсь восточной пословицей: «Если даже на собственной ладони пригостишь яичницу для матери, то все равно будешь в долгу перед ней».

В тот вечер мы сидели у меня дома допоздна. Раиса Ивановна рассказывала о своей жизни. Я был поражен, узнав, что она долго находилась во время войны в концлагере. «Сколько же должно было быть в ней силы, желания, чтобы суметь так сохраниться», — думал я. Но чем больше я ее слушал, тем больше понимал, как жестоко и неизлечимо изранена ее душа.

— Когда я вернулась домой, — рассказывала Раиса Ивановна, — Олежке было шесть лет. Он меня не только не признавал, но и просто боялся: до того я была худа и страшна. Долго не называл мамой. Характер у него был тяжелый, трудный. Измучилась я с ним, пока он окончил школу. Каждый день что-нибудь да отколет. Каждый день нос подбит, весь в синяках. Дети иногда бывают жестокими, вот и дразнили его: «Мать из концлагеря». Он дрался с ними, и так часто, что просто привык. Меня не раз вызывали в милицию. Я думала, всё: дорога его уже определена. Все удивлялись, в кого он такой. Отец был, что называется, муху не обидит. Меня все успокаивал участковый милиционер. Он как-то сказал, что Олег замечательный парень, и дерется он всегда по справедливости.

Благодаря этому участковому Олег поступил на юридический. Но и в институте не все было ладно. Все находил себе каких-то подозрительных типов, которые нигде не работали и не учились. И вдруг присмирел. Совсем стал другим человеком. Хуже или лучше, не знаю, но другой. Одно было хорошо: он стал аккуратным, следил за собой, брился ежедневно, всегда при галстуке. Я, конечно, догадывалась, что у него появилась девушка. Влюбился он в одну актрису. Я видела ее. Она была очень красивой. Это меня и пугало. Конечно пугала не сама

красота. Матерям всегда легко разобраться в невестках или просто подругах своих сыновей. Но в таких случаях сыновья не слушаются матерей. Они не понимают главного: мать слишком хорошо знает сына потому, что она мать, и ей легко разобраться в другой женщине потому, что она женщина сама. Олег ревновал ее ко всем. Она это знала, и ей это нравилось. Она откровенно издевалась, а Олег думал, что так надо. Женщинам нравится, когда их ревнуют. Ревнует, значит, любит. Какая варварская формула, если ею неумело пользоваться. Все равно что ножом резать тело и успокаивать: ничего, раз больно, значит, нервы есть.

— Мне Олег никогда не рассказывал об этой актрисе.

— Как же тут расскажешь, когда она на его глазах целовалась на катере с каким-то геологом. Мне это рассказывали его друзья после того, как он уехал.

— И Олег тогда на катере даже не...

— А что Олег? Можно себе представить, как бы он выглядел жалко и глупо, если бы полез драться. Кого защищать, от кого, чего отстаивать? В драке и в споре нужно выяснить истину, а не показывать, что ты истерик и нервы у тебя никудашные. А вот Олег бросил институт и уехал на Камчатку. Здесь у него был один друг. Сначала я очень переживала, боялась за сына. Потом успокоилась, когда он написал, что поступил на второй курс заочного юридического. Пока вот не получила письмо.

— Вы уже видели Олега? — спросил я.

— Да, вчера. Он подурнел, потолстел. И это в двадцать девять лет.

— Ничего, все уладится... — Я не знал, как разговаривать с этой женщиной. Меня все удивляло, что она только из-за одного письма бросила все дела и приехала на Камчатку.

— Что же будем делать? — умоляюще спросила она.

— Ничего особенного. Не такой уж горький забуддыга Олег. Все уладится. Сколько вы собираетесь здесь пробыть?

— Пока у него не пройдет запой.

— Но ведь он может не пить месяц, два, а потом начать снова.

— Буду жить месяц, два, потом еще, пока вы честно не скажете, и я сама не увижу, что он больше не пьет. Поступлю на работу...

— У вас же в Ростове квартира, работа, свои дела. Вы же, наверное, ничего не устроили?

— А зачем мне квартира, работа, дела, если Олег будет алкоголиком, если от сына останется один только паспорт? Мне от него ничего не надо. Он взрослый человек и все понимает сам. Я согласна, если это нужно, видеть его раз в пять-десять лет, но только быть уверенной, что сын мой — человек, что он при деле, что он счастлив.

Раиса Ивановна осталась в Петропавловске. Она поступила на работу. Преподавала в школе. Олег ушел из общежития. И мы стали жить втроем у меня.

Через неделю в моей холостяцкой квартире стало до того уютно и чисто, что мы с Олегом разувались уже на лестничной площадке.

— А теперь так, — назидательным тоном начинала Раиса Ивановна, — распределим обязанности. Зарубите себе на носу: терпеть не могу, когда мужчины моют пол и посуду (учтите, я в школе этого не говорю). Терпеть не могу, когда женщина выносит мусор. Терпеть не могу, когда женщина стирает одна и ей, по крайней мере, никто не мешает. Терпеть не могу мужчин-нерях, и терпеть не могу, когда за ними, неряхами, убирают женщины. Вот и все ваши обязанности. За картошкой и другими ингредиентами борща ходить только на базар. Меню утверждается общим голосованием. Подъем в семь. Отбой в одиннадцать. Обжалованию не подлежит. Ясно?

— Так точно! — в один голос гаркнули мы с Олегом.

— Вопросов нет?

— У меня есть один, — сказал я. — Как система Бахуса при новом матриархальном режиме?

— Значит, так. Количество спиртного определяется в предпраздничные дни тоже общим голосованием.

Раиса Ивановна часто бывала в отличном настроении. Она то громко смеялась, рассказывая веселые истории и анекдоты, то подтрунивала над нами. У нас был составлен совместный план действия: никаких нотаций, никаких разговоров о пьянке. Несколько раз Олег спрашивал у матери, когда та собирается уезжать, и всегда получал неизменный ответ:

— Мне и здесь хорошо.

Втроем мы ходили в кино, на концерты. А если воскресный день выдавался морозный, то непременно ездили в Паратунку к горячим источникам. Загадку лица Раисы Ивановны я так и не мог разгадать. Она еще больше посвежела, всегда ходила ровным, упругим шагом, как спортсменка. Плотное, с плавными линиями тело и красивые ноги делали ее молодой, особен-

но в движении. И все равно ей нельзя было дать ни шестнадцати, ни тридцати. В ее больших раскосых глазах можно было видеть то, чего не увидишь у шестнадцатилетней. Что именно, я не знал. Об этом я подумал, когда однажды увидел ее в темных очках.

В Раисе Ивановне мне нравилось все. Даже когда подтрунивала над нами. «Ну, какие вы, простите меня, интеллигенты? Говорить не умеете, ходить не умеете, стоять не умеете, сидеть за столом не умеете, даже есть и то не умеете, не говоря уже о том, что не умеете завязывать галстук. И кто вас таких полюбит?» Часто она копировала наши движения и голоса. Особенно легко было узнать меня, когда она ходила по комнате широкими неуклюжими шагами, качаясь из стороны в сторону, согнувшись, с вытянутым вперед подбородком и держа руки в карманах жакета. Мы с Олегом покатывались от хохота.

Несколько раз Олег возвращался домой нетрезвым. И каждый раз, к моему удивлению, на следующий день мать не говорила ни слова. Только через много дней затишья, улучив момент, она передразнивала Олега хриплым, тягучим голосом, заплетаясь, выговаривала тот скудный и примитивный набор слов и междометий, вроде «трык-трык», которыми пользовался сын, будучи нетрезв.

— Ну, мама! Ну, мама! — только и говорил он.

После таких сеансов Олег не пил по нескольку недель. Но все-таки время от времени срывался.

Каждый вечер после работы я спешил домой. С нетерпением ждал выходного дня. Со мной происходило что-то непонятное. Когда уезжал в командировку, что приходилось делать довольно часто, меня всякий раз неимоверно тянуло домой.

И когда Раиса Ивановна однажды сказала, что решила уехать, что теперь она спокойна за Олега, мне стало не по себе. Я понимал, что это глупо, нелепо. И скорее бы умер, чем дал волю своим чувствам. И все же невольно философствовал, оправдывая себя: «А почему бы нет! Я не виноват, что полюбил ее». Я не думал о возрасте, не думал. Я просто любил. Меня не интересовало: «А что скажут люди?» Меня не интересовало: «А что будет потом, что будет через десять лет?» Я не знал, что будет потом, что будет через десять лет. Я не хотел знать. Я ее любил. И люблю сейчас.

Как бы я ни старался скрыть то, что творилось у меня на душе, тонкая, чувствительная Раиса Ивановна не могла не заметить. И вскоре, когда мы все трое были дома, она сказала:

— Мальчики, мне нужно вернуться. Я уезжаю. Сердце стало пошаливать. Хотела от вас скрыть, но не получается: кажется, это не на шутку. Видно, камчатский климат не по мне.

Мы с Олегом молчали. Слишком серьезным был тон Раисы Ивановны.

— Олег, ты поедешь со мной?

— Да, мама, — скороговоркой ответил он.

— Вот и хорошо. Переведешься в ростовский институт. Я сама уже взяла расчет.

В ту ночь мы трое не сомкнули глаз. Все знали, что никто не спит, и все молчали. Только утром, когда Раиса Ивановна зашла на кухню, Олег посмотрел своими добрыми глазами на меня и тихо сказал:

— Так надо.

— Так надо, — повторил я.

Вечером мы поочередно долго рассматривали два авиабилета. Вылет предстоял через три дня. Мне нужно было что-то придумать. Я боялся этих последних дней. Я знал, что не смогу вести себя, как всегда.

Утром с работы я позвонил другу в Елизово и попросил, чтобы он дал телеграмму: «Срочно выезжайте, требуется ваша консультация больному».

Каких-нибудь тридцать километров до Елизова, а телеграмма дошла за восемнадцать часов.

Поздно ночью позвонили. Дверь открыла Раиса Ивановна. Она еще в коридоре вслух прочла телеграмму, потом подошла к моей постели и включила ночник.

— Я уже слышал, — сказал я.

— Как же так? — удивилась она. — Мы уезжаем, осталось два дня.

— Ничего, я успею. Оттуда я приеду вас провожать. Там рядом. Успею.

В ресторане было очень шумно. Мы сидели в углу стола, и нам никто не мешал. Раиса Ивановна все время старалась улыбаться. Каждый раз, когда мы встречались глазами, она умело отводила взгляд...

* * *

— Так за что же будем пить? — повторил мой вопрос Олег.

— Давайте за самолеты, — сказала Раиса Ивановна, глядя в окно. — Все-таки, как я поняла, на Камчатке у многих счастье связано с самолетами.

Я хотел было сказать: «И несчастья тоже», но промолчал.

Олег выпил только полрюмки. Его добродушное лицо скривилось. Раиса Ивановна посмотрела на него, выпила и, показывая мне глазами на Олега, поморщилась. Затем она отглотила кусок хлеба, поднесла к носу и понюхала, с силой втягивая в себя воздух. Я громко засмеялся. Портрет был точный.

— Что, опять? — сказал, улыбаясь, Олег. — Вот возьму потренируюсь, как артист Филимонов, и начну дразнить тебя.

— Не выйдет! Не выйдет! — быстро и лукаво, словно девочка, сказала Раиса Ивановна. — Во-первых, я женщина красивая, так сказать, бездефектная; во-вторых... во-вторых, я женщина.

— Вот так всегда: вы спекулируете тем, что слабый пол.

— Слабый пол. Слабый пол, — опять передразнила Раиса Ивановна и тут же обратилась ко мне, стараясь не смотреть в глаза: — А ну скажите, что говорил ваш дед о женщине? Мы ему сейчас покажем «спекуляция».

Мне не хотелось ничего говорить. После водки я совсем раскис. Но, пересилив себя, тихо сказал:

— Дед всегда говорил, скрывая от бабушки, что женщину надо любить уже за то, что она родилась женщиной.

— Во! Во! — торжествующе сказала Раиса Ивановна. — Вот это мужчина. Таких сейчас нет. Перевелись.

Раиса Ивановна посмотрела на часы.

— Была бы моя воля, я бы сейчас остановила время. Давайте выпьем за счастье. Счастье, как и все в мире, относительно, но главное, что оно есть.

— Блеф все это, — пробурчал Олег. — Слова. Слова из серии «с новым счастьем», когда даже не спрашивают, а было ли старое, чтобы говорить о новом.

— Да брось ты хныкать. — Раиса Ивановна провела рукой по мягким волосам сына. — Вот что я тебе скажу. Счастье само по себе, если оно просто голое счастье, может, и блеф. Но человек, когда он счастлив, это не блеф. Это сама жизнь. Пусть хоть на миг, но миг тоже жизнь.

Я вспомнил, как однажды Раиса Ивановна рассказывала о счастливом миге в концлагере. Ей, ослабшей женщине, удалось в течение двух часов удерживать в строю уже немеющими руками лихорадившую подругу, больную тифом. Она знала одно: если силы ее оставят и та упадет перед строем, немцы тут же пристрелят ее. После, когда все обошлось и больную уложили на нары, Раиса Ивановна выскочила на плац и плакала от

счастья. Голого счастья действительно самого по себе не бывает. Только от сознания чего-то сделанного, ожидаемого. Вот и она даже в условиях концлагеря почувствовала, пусть на миг, себя счастливой от сознания того, что спасла свою подругу.

— И потом, ведь счастье... — хотела продолжить Раиса Ивановна, но заговорили динамики. Ресторан затих.

— Внимание! Объявляется посадка на рейс шестнадцатый «Петропавловск-Камчатский — Москва»...

Я вспомнил злого пассажира. Наверное, опять ворчит. А может, и не ворчит. Ведь сейчас у него настроение хорошее. Объявлена посадка.